

Вечерняя Москва, ушное. 1960. 1 сент.

Люди пришли задолго до назначенного часа. В просторном фойе, где коллектив театра собирался обычно в наиболее торжественных случаях, господствовала атмосфера волнения и приподнятости. Известные, поседевшие на подмостках мастера и совсем зеленая молодежь в одинаковой мере испытывали то чувство «открытой души», то возвышенное стремление к познанию, которое приходит к художнику, когда он всем своим существом готов впечатления жизни, потрясающие и захватившие его, переплавить в образы искусства.

Все жило, шумело, нетерпеливо ждало встречи. Вдруг шум затих, открылась дверь, и в сопровождении руководителей театра в фойе вошел невысокий, крепкий, с широкой, открытой улыбкой человек. Он выглядел совсем молодым, но за его плечами, как крылья Вселенной, тянулись многие сотни тысяч километров пройденного им космического пространства.

Это был первый человек, пролетевший между планетами, и он пришел сюда, чтобы рассказать актерам обо всем, что пережил в космосе...

★

Фантастика? Да, конечно. Однако она может стать былью в самое ближайшее время.

Готовы ли мы внутренне, творчески к встрече с первым космонавтом, к воплощению пьесы, где его образ будет центральным?

В связи с плаванием челюскинцев Вл. И. Немирович-Данченко в 1934 году писал:

Пафос героической простоты

«Героическая эпопея челюскинцев должна не только провозвести огромное впечатление на театр, на актеров и режиссеров, — она должна быть ими глубоко продумана...

Театры и, в частности, актеры должны подумать над тем, каким огромным внутренним огнем, какой стойкостью, какой преданностью своему народу должны обладать люди, чтобы быть подлинными героями в самых простых бытовых проявлениях, и каким пафосом необычайной простоты должен обладать актер, стремясь к созданию героического образа...».

Необычайно живо и волнующе звучат сегодня эти слова. Они требуют постоянной проверки жизнью нашего умения работать, наших творческих исканий.

Героическое начало стало наиболее существенной чертой советской эпохи и человека, устремленного к коммунизму. Вместе с тем наш героизм — комплекс сложный, трудный для искусства. Героическое не носит ныне блистающих лат, не поражает противника в поединке на шпагах и не выражено звучно красивой рифмой. Глубина героического равна его простоте, а жизненная мощь подвига впечатляет сплошь да рядом куда сильнее, чем художественная форма подвига, найденная литератором или актером.

Я глубоко убежден, что великая драматургия коммунистического жизнеутверждения и равный ей по силе театр разовьются через раскрытие и воплощение героических начал. Они —

главное в нашей жизни, они и есть высшее выражение современности. И вообще вопрос о современности возникает сейчас в новом качестве. Театр должен не только отразить современность, но видеть главное в ней. Он будет в рядах строителей коммунизма постольку, поскольку современность в ее высшем выражении будет определять его деятельность — его репертуар, художественные искания, движение вперед.

С этих позиций и хочется оценить все то, что принесет нам начавшийся театральный сезон, с этих позиций и надо, как мне кажется, достигнуть нового и глубокого поворота театра к современности.

В Художественном театре можно отметить большое стремление к такому повороту. Первая половина сезона ознаме-

нуется выпуском нескольких интересных новых пьес: «Цветы живые» Н. Погодина, «Над Днепром» А. Корнейчука, «Точка опоры» С. Алешина. При всем разнообразии жанровых особенностей, сюжетных положений, профессий действующих лиц все эти пьесы определяют одно: устремленность героев в будущее, желание ответить на вопрос: как жить по-коммунистически, что делать сегодня, чтобы ускорить коммунистическое завтра?

Никогда в истории мечта и действительность не сливались так тесно. И театр, показывая героизм настоящего, должен вместе со зрителями мечтать о красоте и величии будущего.

А. Солодовников,
директор Московского Художественного академического театра им. Горького.